

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 165.12 + 141.2
ББК (Ю) 87 + (Ю) 88.52

Г. С. Смирнов

ФИЛОСОФИЯ ВЕРНАДСКОГО: МИРОСОЗНАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Царство моих идей впереди.
В. И. Вернадский

История научных идей
никогда не может быть окончательно написана,
так как она всегда будет являться
отражением современного состояния
научного знания в былом человечества.
Каждое поколение пишет ее вновь.
В. И. Вернадский

В статье представлена попытка теоретического осмысления движения от анализа философских взглядов В. И. Вернадского к синтезу его философского мировоззрения. Показано значение философии автотрофности человечества в философском мировоззрении российского мыслителя.

Ключевые слова: постнеклассическая парадигма персональной истории, философограмма В. И. Вернадского, философский реализм, философия автотрофности человечества.

Философские взгляды В. И. Вернадского не обойдены вниманием. Ими были увлечены не только профессиональные биографы-философы [1; 2; 3; 14; 17; 19], но и крупные ученые, которые интересовались научным мышлением В. И. Вернадского не столько из чисто исследовательских интересов, как очень часто подходят историки философии, сколько из желания взглянуть на мир

глазами ученого-энциклопедиста с целью найти новые пути решения современных познавательных или праксиологических задач [21].

Проникновение в сознание мыслителя задача неразрешимая, но никто еще не отказывался от возможности ее решения. Чем сложнее реальность, с которой сталкивается человек, как представитель своего поколения и современник трагических противоречий развития человечества, тем больше усилий прилагается в попытках выйти за купол «хрустального свода» современного знания человечества. Вернадский относится к тем мыслителям, которые прожили десятилетия иногда по своему значению равные столетиям. В точках исторических бифуркаций в головах мыслителей, ставящих перед собой задачу «осмысливать жизнь», складывается вселенская голографическая картина космопланетарной реальности.

Современный уровень развития вернадоведения позволяет поставить весьма сложную задачу: перейти от *анализа* философских взглядов В. И. Вернадского к попыткам *синтеза* его философского мировоззрения. Обсуждение в отдельной статье такой проблемы естественно не претендует на окончательное решение — это заведомо дискуссионное пространство.

В действительности Россия сделала совсем немного для того, чтобы личность В. И. Вернадского как мыслителя, была известна миру хотя бы так же как, например, известен, А. Эйнштейн, при том, что образ мира, который нарисовал своим современникам и потомкам Вернадский не менее, а по существу более сложен и непредставим для значительной части современного человечества.

Трудности биографического жанра

Биографический жанр весьма коварен именно по причине того, что он принципиально концептуален. Смена парадигмы, изменение угла зрения заставляет кардинально пересмотреть не только историческую роль, но и историческое место того или иного мыслителя во всемирной истории.

Достаточно сравнить книги таких известных биографов В. И. Вернадского как Л. И. Гумилевский [14], Р. К. Баландин [2; 3], И. И. Мочалов [19], Г. П. Аксенов [1], чтобы увидеть принципиальные различия. Не только партийно-советская, но и постсоветская эпохи накладывали некоторые ограничения на аутентичное прочтение философского

(и тем более религиозного) мировоззрения В. И. Вернадского. Думается, что по этой причине оказался незавершенным проект исследования религиозного сознания В. И. Вернадского, предпринятый И. И. Мочаловым, а в блестящем эскизе Р. К. Баландина творческой биографии В. И. Вернадского делается вывод о том, что «вершиной его творчества стало учение о биосфере, всепланетной области жизни» [3, С. 396]. На наш взгляд, вершиной творчества — не только научного, но фундаментального философского творчества (в том числе и философии науки) русского мыслителя стали синтетические представления о ноосфере, ибо именно в этой предметной области происходит переход от знания естественнонаучного к знанию общественно-гуманитарному, в том числе и философскому.

До настоящего времени ни одна историческая эпоха не была столь свободной от идеологических (заметим, что технократические положительные или отрицательные пристрастия также следовало бы отнести к сфере идеологического) взглядов, чтобы позволить увидеть симфоничность вселенского сознания российского ученого-энциклопедиста.

Условно все биографии ученого можно было классифицировать по трем типам — классика, неклассика, постнеклассика. В данной статье нас будет интересовать лишь поворот от неклассики (ее самыми яркими представителями, на наш взгляд, являются Р. К. Баландин [2] и Г. П. Аксенов [1]) к постнеклассике (элементы которой мы обнаруживаем у Г. П. Аксенова [1], в частности в его размышлениях о трансперсональных мотивах в судьбе ученого).

Думается, что поворот в постнеклассику в значительной степени связан с постепенным расширением ноосферной проблематики за последние двадцать лет, в силу этого объяснения требует не только результат ноосферного дискурса и ноосферного тезауруса, но и сам этот чрезвычайно сложный по своей логике процесс преодоления одной парадигмы и рождения другой — более сложной — постнеклассической парадигмы ноосферного видения мира.

Постнеклассическая методология персональной истории

Размышления о целостной философии В. И. Вернадского, учитывая, что специальных «собственно философских» трудов ученый не писал, опираются на постнеклассическую методологию понимания эволюции творческого ума

великого мыслителя, которая включает как синергетические подходы (связанные со сложнейшими процессами самоорганизации в системе «Человек — Общество — Природа»), так и современные представления о «голографической вселенной» (которые проясняют, хотя бы до некоторой степени, феномены потери детерминизма в непредсказуемой жизненной канве личностного исторического бытия). Вся жизнь Вернадского является убедительным подтверждением именно такого понимания места человека в мире — его миссии как творца сознаниевых голограмм будущего человечества.

Весьма продуктивной оказалась методологическая технология сбора «золотых зерен» в творчестве В. И. Вернадского, предложенная академиком А. Л. Яншиным [21, с. 499—501] применительно к выявлению условий формирования ноосферы в XX веке, с помощью которой была осуществлена экспликация самых существенных сторон учения о переходе биосферы в ноосферу в их дополнительности и системности. Следует при этом сказать, что учение о переходе биосферы в ноосферу не является собственно философским, оно сложилось как результат синтеза естественнонаучного и общественно-гуманитарного (в том числе и философского) знания, что в свою очередь представляется значительным достижением Вернадского как методолога и философа науки: его умение работать на стыке науки и ненауки значительно более продуктивно, нежели противопоставление нормальной и «ненормальной» науки, которое оказалось столь актуальным в философии науки XX века.

Философограмма Вернадского

На протяжении всей своей жизни человек идет дорогой философского мышления, путь этот может быть извилист и непредсказуем, но история всегда в состоянии обнаружить опорные точки развития философского сознания. В. И. Вернадский, анализируя наследие М. В. Ломоносова, писал о том, что «история научных идей никогда не может быть окончательно написана, так как она всегда будет являться отражением современного состояния научного знания в былом человечества. Каждое поколение пишет ее вновь» [7, с. 56].

Современная источниковая база вернадоведения и вернадологии позволяет составить модель философограммы, характеризующую творческое развитие В. И. Вернадского в контексте его философской исторической

трансформации. По крайней мере, изучая научные и философские труды мыслителя, публицистические статьи, письма и дневники, можно обозначить цепочку имен, которые оказали наиболее существенное воздействие на формирование мировоззрения В. И. Вернадского: Ч. Дарвин, Г. Спенсер, Аристотель, И. Кант [6], М. В. Ломоносов [7], И. В. Гете [5], С. Н. Трубецкой [4], Платон, Вивекананда, Ч. С. Пирс.

Биологический эволюционизм Ч. Дарвина приобрел в философии миропостроения В. И. Вернадского значение фундамента. Это была одна из первых книг, которую И. В. Вернадский подарил сыну. Исторически онтогенез философского сознания будущего великого ученого начинается именно с дарвиновской философии: Дарвин создал не только научную парадигму понимания детерминизма в биологическом мире, но именно широкий философский взгляд на вселенскую реальность.

Как убедительно показывают биографы Вернадского, формирование его философского сознания шло на протяжении всей жизни ученого, интерес к чтению философской литературы не ослабевал до самых последних его дней. В философограмме представлены, прежде всего, те мыслители, которым уделено особое место в основном его философском труде «Научная мысль как планетное явление», а также те, которым посвящены отдельные статьи, свидетельствующие о том, что именно на этом философском пространстве осуществлялась главная философская работа, своего рода проверка философского наследия системой эмпирических обобщений.

Объем статьи не позволяет увеличить размеры философской цепочки («узловой линии мер» философского развития личности), но уже и представленная преемственность философских систем убедительно показывает, что философское развитие В. И. Вернадского шло в направлении от «позитивизма» в различных его формах и проявлениях ко все более универсалистскому взгляду на Вселенную и жизнь человеческой цивилизации.

Философский герметизм в сознании В. И. Вернадского

Герметическая линия в мировой философии представляет собой весьма значимую форму мыслительных процессов в человеческой истории, хотя, как показывает современная философская литература, и предстает в качестве теневой структуры.

Принцип ментальности в герметической философии утверждает «все есть мысль», а это фактически исходное положение современной ноосферной философии. Когда В. И. Вернадский утверждает: «в биосфере существует великая геологическая, может быть космическая, сила... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его, как существа общественного» [8, с. 228], то тем самым он вписывается в многотысячелетнюю линию герметической философии.

Другая важная особенность философии Вернадского связана с *принципом подобия*: утверждением тождественности микрокосма и макрокосма, человека и вселенной. Сам В. И. Вернадский может служить примером соответствия широты личности и масштабности природы. Рискнем сказать, что до Вернадского философская мысль не достигала таких глубин исторического времени в сравнительном анализе космопланетарного бытия. *Геологичность философского мышления* оказалась комплементарной широте русского космизма в его научных и философских измерениях. *Космо-геологический космизм* философии Вернадского предстает сейчас как императив нарождающегося в третьем тысячелетии принципиально нового человеческого сознания.

Выше приведенный анализ подводит к очень значимому выводу о специфике философского мышления: оно по своей сути и, может быть, по своей природе герметично. «По сути» — в силу того, что ученый, что не обычно, не ограничился лишь сциентистскими формами выученности, а органично впитал в себя несколько дополняющих друг друга синтезов — научного, религиозного, философского и художественного. «По природе» — в силу того, что генетическая невыученность и общевселенская принадлежность — неискоренимы для людей, в какой-то неожиданный момент получивших ноосферный посыл, они могут не знать, что метаисторический выбор уже состоялся, они тяжело и самоотверженно поднимались в трудную гору, но приходит время, и вдруг они постигают смысл своей миссии, и делают все для того, чтобы не уклониться от вселенской предназначенности.

Именно такие люди открывают глаза, сначала себе, затем другим. Другие не всегда хотят видеть то, что пугает, обезоруживает перед будущим и перед другими людьми, но такое движение неизбежно — оно есть, по большому счету, проявление цефализации ноосферы. Именно с одного человека («ноосферного нейрона» планеты Земля) начинается духовная трансформация.

В христианской традиции этот факт метаисторического бытия предстает как самый богочеловеческий — утверждающий поиск человеком «точки сборки», которая может рассматриваться и как способ самоидентификации, и как отождествление себя со вселенной.

Философские струны

Обычно в университетской философии выделяют бинарные, тернарные и другие более сложные структуры — своеобразный набор философских струн. Помимо материалистической и идеалистической есть еще и третья — универсальная струна, но их дополняет другая триада струн — человеческой (антропологической), земной (планетарной) и космической. Фортэ и пиано их звучания в мировой истории асимметричны и цикличны: иногда имеет место совпадение циклов развития (например, иногда космизм совпадает с материализмом, а иногда идеализмом), а иногда каждая струна звучит по своему в своем пространстве и в своем времени, порождая какофонию — мировоззренческий хаос.

В этом смысле каждая философская система — сложный музыкальный инструмент со своим набором струн и их закономерным количеством. Обычно струны располагаются в некоей плоскости, а их звучание определяется «вмешательством» человека-субъекта, который заставляет звучать эти струны. Так звучит философское сознание.

Каждый человек выбирает инструмент по себе в зависимости от задач, которые ставит перед собой и способности удержать в себе «звуки музыки»: обычно это гитара или фортепиано, но есть и скрипичное и органное философское мышление. Многоструние и мастерство находятся в сложном взаимодополнении, только так достигается философская полнота, которая и называется мудростью.

С другой стороны, каждый философ — это отдельная струна философского сознания человечества, многообразие регистров и октав позволяет любому человеку найти свою мелодию, по своему зазвучать в оркестре вселенской мудрости. В этом смысле каждый человек в своей жизни играет свою мелодию, иногда она простая, но ясная и милая (как игра Леля на лугу), иногда грозная и трагически-предупреждающая (как «Героическая симфония» Бетховена).

Ноосферная симфония

В мировоззренческом творчестве В. И. Вернадского вошли в когерентное взаимодействие многочисленные философские струны, что позволило ему найти симфоническое взаимодействие «человеческого — планетарного — вселенского» и «материалистического — реалистического — идеалистического».

В. И. Вернадский — в известном смысле «человек-оркестр», удивительно тонкий и глубокий дирижер мировыми духовными потоками. Его ноосферная симфония — одно из самых поразительных по глубине и реалистичности творений человеческого духа, ибо в нем осуществилось высокое соприкосновение всех культурных токов развития человечества — религиозных, философских, научных и художественных форм.

Когда-то Вернадский сказал, что изучение трудов И. Канта — обязательная необходимость для формирования философского мышления любого молодого человека, именно таким *правильным* камнем для современного мыслящего человека стали труды В. И. Вернадского.

Фундаментальный философский переход

В истории мировой философии можно увидеть несколько — фундаментальных философских революций. Они вплетены в ткань не только религиозных, но и научных революций, ибо между духовными революциями существует органическая взаимосвязь, вытекающая из гармонии струн духовной истории человечества.

В истории мировой философии обычно фиксируют формационные революции: в рамках каждой общественно-экономической формации формируется своя особая философско-мировоззренческая система (К. Маркс гениально угадал сопряженность уровней материально-производственного развития человечества и его духовной напряженности). Но есть и другие классификации взаимного перехода количественных и качественных изменений: на протяжении последних двух с половиной тысяч лет в философии совершились четыре важных, сущностных революции — онтологическая, гносеологическая, аксиологическая и праксиологическая.

У В. И. Вернадского сформировалась еще одна модель духовных (не только философских или научных) революций человечества. Революцию, происходившую в головах ученых на рубеже XIX—XX вв., он сравнивал с духовной революцией, произошедшей в период античности. Если представления о научных революциях в значительной степени касаются трех-четырех последних столетий, то представления о циклах мировоззренческих революций размерностью в две с половиной тысячи лет заставляют более внимательно изучить матафилософский переход, который сопровождается, ко всему прочему, и религиозным переходом человеческой цивилизации.

Однако в мирознании Вернадского есть и еще более высокие философские ноты, они связаны с изменениями, измеряющимися геологическим временем. Философия автотрофности может рассматриваться как самое фундаментальное философское открытие, которое следовало бы назвать откровением для человечества III тысячелетия.

Философия автотрофности человечества

Философия автотрофности человечества берет свое начало в 1925 году, когда В. И. Вернадский пишет на французском языке статью «Автотрофность человечества». Ее появление поистине спонтанно. Какая мысль породила столь кардинальный поворот — задача тщательного биографического исследования, но она не совсем вписывается в логику развития французской или немецкой философской антропологии, интенсивно развивающихся в это время.

Эта статья осуществляет радикальный поворот в антропологии: совершается теоретический выход в новую эволюционную фазу развития человечества, о которой мало кто думал с научной точки зрения (К. Э. Циолковский размышлял о «лучистом человечестве» в перспективе нескольких миллиардов лет) и которая свидетельствует о безграничных возможностях космической человеческой эволюции. Идея автотрофности человечества в этом контексте может рассматриваться как постановка вопроса на ближайшую перспективу — фьючерная программа человеческого поведения.

Рискнем предположить, что ход мысли В. И. Вернадского был связан с тем, что прошедшая и назревавшая мировые войны были нацелены на передел ресурсов мира, а социальные и технические условия преодоления мировых

войн еще не стали исторической реальностью. Так, ученый пишет: «Для решения социального вопроса необходимо подойти к основам человеческого могущества — необходимо изменить форму питания и источники энергии, используемые человеком» [8, с. 240].

Идея автотрофности человечества сформулирована В. И. Вернадским в следующей форме: «Пользуясь непосредственно энергией Солнца, человек овладеет источником энергии зеленых растений, той формы её, которой он сейчас пользуется через посредство этих последних как для своей пищи, так и для топлива» [там же, с. 241]. Складывается впечатление, что она появилась словно из другой реальности, которая вдруг посетила сознание гениального мыслителя. Думается, что после 1920 года (года визионерского прозрения ноосферного будущего) гений Вернадского вышел на совершенно иной — вселенский — уровень понимания развития человеческой цивилизации.

Следует сказать, что эта статья Вернадского оказалась незамеченной, и лишь после смерти ученого последовала реакция научной общественности, прежде всего в связи с дискуссиями о возможностях создания искусственной пищи. Философское осмысление дерзновенности открытия Вернадского для судеб человечества пришло несколько позднее. В работах Э. В. Гирусова [12; 13], В. П. Казначеева, А. В. Трофимова, по сути дела поставлен вопрос о *теоретической статусности* представлений об автотрофности человечества.

В XX веке, утверждает Э. В. Гирусов, «человек стал супергетерофом» [13, с. 47], что и привело к глобальным проблемам современности. Дело в том, что экспоненциальные темпы экономического развития и демографического роста человечества в XX веке привели к тому, что количество привело к понижению качества — каждый человек вынужден утверждаться как «стандартный» потребитель материальных ценностей, именно поэтому биосфера испытывает такой пресс «вещно-материального» сознания человечества. «Ключевым звеном в решении этой проблемы является обретение людьми свойства автотрофности, благодаря которому они смогут не разрушать биосферу, а включиться в процессы поддержания и сохранения ее...» [13, с. 50].

В. П. Казначеев и А. В. Трофимов переносят эту проблему в предельно широкую масштабность: «возникновение человеческого разума являет новую стадию автотрофности. Эта автотрофность состоит в том, что человек в силу своего интеллектуального, все более глубокого познания естественно-природных качеств и свойств начинает использовать минеральные ресурсы,

ресурсы, связанные с энергетическими источниками в новом варианте. Он оказывается уже не тем автотрофом первого рода..., он представляет собой *социальный организм планеты*, организм, который эволюционирует за счет всех известных социальных организаций, культур, духовности, государственных машин и т. д., все более становясь планетарным организмом нового типа» [16, с. 23]. Весьма существенно, что авторами, несмотря на скепсис в отношении роли философии, подчеркивается философское измерение размышлений об автотрофности человечества: «Генеральный принцип отечественной и международной космогонии в XXI в. требует сформулировать целеполагание как главную цель автотрофности человечества...» [16, с. 28].

Своими научными и философскими исканиями В. И. Вернадский заложил основы не только коэволюции, но и кореволуции человеческого сознания. Это своего рода «новый коперниканский переворот» — он сформулировал главные идеи философии автотрофности как вселенской человеческой самодостаточности. Утверждая эволюционную идею о появлении нового человека как автотрофного позвоночного, он тем самым открыл научное измерение понимания постпланетной человеческой эволюции, завершив эпоху разнообразных форм антропоцентризма (человеческого, национального, социального и даже техносферного).

Философия автотрофности человечества заставляет кардинально переосмыслить суть человеческого бытия и планетарной истории. Использование актуальной энергии солнца для организации жизни человечества предполагает понимание того факта, что гетеротрофная история человечества как особый, но очень важный, период — завершается. Солнечная и космическая энергия, накопленная на Земле за миллиарды лет, обеспечила в определенный момент времени колоссальный рывок в эволюции человечества — социальная эволюция была бы невозможна без трансформации огромного количества энергии в информацию (в настоящее время свернутую в человечестве). Теперь начинается новый этап — человек, посредством информации научился генерировать энергию, которая в свою очередь осуществляет структурирование вещества [15].

Человек научился производить (извлекать) огромное количество энергии, которая поддерживает биогеохимический и культурный биогеохимический «ток атомов» (говоря языком В. И. Вернадского). Запущен интенсивный

процесс самопорождения информации, который раскроет не только косвенные, но и прямые пути освоения солнечной и космической энергии.

Человечество в третьем тысячелетии оказалось на пороге не только формационного, но и антропо-автотрофного рывка, вытекающего из действия антропоного принципа, утверждающего вселенскую размерность человека и его сознания. Философия автотрофности человечества обещает не только новую стадию развития русского космизма, но и реализацию своеобразной философской революции в умах людей.

Философские уроки реализма Вернадского

Философские истины и идеи, царство которых впереди, всегда дополняются способами их посильного применения. Собственно говоря, эта сторона философии всегда и называется мудростью, по той причине, что каждый человек здесь и сейчас должен знать способ своей самореализации. За подобной мудростью всегда стоит реализм как высшее проявление адекватности человека в конкретно-исторических условиях. Эти уроки в жизни Вернадского носят в значительной степени не вербальный, а деятельностный характер. В своей жизни ученый руководствовался аксиомами, которые сформулировал применительно к жизни классической российской интеллигенции, к которой не только принадлежал, но и являлся ее выдающимся представителем, эти аксиомы — «альтруизм, свобода, истина и сомнение».

К числу таких уроков реализма, на наш взгляд, можно отнести следующие. Во-первых, не философствовать «применительно к обстоятельствам». Для Вернадского это означало говорить философскую правду в стране победившего материализма и так называемого «атеизма». Во-вторых, не бояться обвинений в «идеализме», ибо они в действительности есть лишь признание в своем собственном бессилии понять более глубокое осмысление действительности, за которым неизбежно и всегда остается будущее. В-третьих, не уходить от необходимости эмпирических обобщений. Всегда, когда сама природа или пытливая человеческая мысль «бросает шанс» надо делать вывод, особенно если он не является простой и доступной в настоящем индукцией, а является результатом личностной интуиции. В-четвертых, не подлаживаться под власть и не заигрывать с ней, но и не бросать ей жертвенный вызов. Любая власть всегда сильнее человека, и она может его

уничтожить в любой момент, когда почувствует реальную угрозу, поэтому вести себя так, чтобы она по какой-то причине понимала, что это делать пока нецелесообразно. В-пятых, мысль философская и научная — долгоиграющая ценность, иногда просто бесценность, поэтому важно, чтобы мысль прозвучала, а дальше пусть синергично действуют процессы самоорганизации. В-шестых, философ-мыслитель должен думать о народе и человечестве, вне зависимости от того, как власть или народ думает об интеллигенции. В-седьмых, главная черта формирования целостного мировоззрения — наличие свободной мысли во всемирно-историческом пространстве культуры, вселенское ощущение бытия человечества.

Российская элита и актуальная социальная практика

Сейчас российская элита пока не понимает этой, своего рода, судьбоносности наследия российского академика, ее предельный потолок — преодоление ленинского и сталинского наследия в модернизации и оптимизации страны. Воспитанная на традициях философского западнизма — гегельянских, марксистских, ницшеанских, веберовских кальках социальной аттрактивности, она переняла философию успешности для участия в строительстве денежно-долларовой пирамиды. Современная российская элита вывалилась из тысячелетней российской культуры, которая формировалась как способ переобдумывания многообразных (и не только исключительно западных) идей о мире в целом и о жизни в частности. Современное метаполитическое сознание элиты ориентировано не на самостоятельное трудное и ответственное геополитическое творчество, не на утверждение российской идентичности в системе «Запад — Россия — Восток», а на повторение «калек» постепенно отживающего «большого капитализма». К большому сожалению, «пир во время чумы», свидетелями которого мы являемся не только применительно к нашей стране, но и по отношению ко всему коллапсирующему человечеству, не позволяет российскому олигархату осознать, что все старые способы сохранения «статус-кво» исчерпаны.

Над чем в научном и социальном наследии В. И. Вернадского следовало бы подумать современной российской элите, взявшей на себя ответственность за будущее страны? Какие императивы следуют из его творчества?

Первая мысль связана с пониманием роли научной мысли и образования как главного основания ноосферного развития. К сожалению, эта главная проблема игнорируется, даже в том случае, если на словах есть понимание этого, в действительности не хватает воли для смены курса. Россия пробивает себе интеллектуальное будущее не столько благодаря, сколько вопреки государственной образовательной политике. Сейчас не столько государство, сколько общество (сохранившее представление о будущностной статусности образованного человека, сложившегося в эпоху советского общества и советского образования) решает задачу формирования нового человеческого качества — человека, обладающего видением мира не в контексте, узко определяемом интересами государственного чиновника, обслуживающего олигархические интересы абсолютного меньшинства, но в масштабном бытии российского человека в контексте глобального и планетарного бытия.

Вторая мысль, которая является наследием, от которого нельзя отказываться — это планетаризация (ноосферизация) сознания, сознания в целом, а не только научной мысли как планетного явления. Совершенно очевидно, что российский народ не только требует выхода из тоталитарной несвободы пространственного перемещения и духовного самосознания в мировое человеческое сообщество, но он и готов к этому деянию. Вторая мировая война стала важнейшим фактором глобализации российского-советского сознания, ибо в течение продолжительного времени в Европе находились миллионы солдат, сознание которых не могло не измениться. Но еще более значительный рывок в Европу совершен российскими челноками от туризма, от бизнеса и от науки. Россия осваивает мир всеми открытыми ей жизнью возможностями, она вращается и вживается в мир, и мир с трудом, но привыкает к последствиям нефте-газовой мировой экспансии России.

Третья идея, заслуживающая внимания, — это следствие жизненной семейной коллизии. Дети В. И. Вернадского остались жить в Америке (США), к этому склонялся в конце жизни и сам В. И. Вернадский, но уже не смог уехать, остался умирать в Советской России. Россия и Америка — две сестры, ведущие спор за бывшее и будущее наследство, и хотя одна из них все время пытается продать свое первородство за «чечевичную похлебку», тем не менее, они прекрасно понимают свое нечечевичное родство. Россия и Америка — не только разнополушарные формы планетного бытия, но разнополушарные формы ноосферного мышления, которые в значительной степени отражают

функциональную асимметрию головного мозга, именно в этом причина действия принципа дополнительности, причина обреченности жить вместе, от этого зависит вся будущая история мира.

В. И. Вернадского иногда называют Ломоносовым XX века, это очень точно и глубоко — такие гении рождаются в России раз в сто пятьдесят лет, но роль мировоззрения и сознания Вернадского для современной России значительно больше, нежели указания на научную составляющую его творчества. Вернадский подарил России новый образ российского будущего и представление о направлении ее развития. В этом смысле Вернадский оставил для евразийского российского этноса вехи философского сознания, двигаясь по которым может быть обеспечено не только выживание страны, но устойчивое целесообразное (ноосферное) ее развитие.

Библиографический список

1. Аксенов Г. П. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2001. 484 с.
2. Баландин Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М.: Знание, 1979. 176 с.
3. Баландин Р. К. Организм биосферы // Баландин Р. К. Русские мыслители. М.: АСТ: Астрель, Хранитель, 2006. 539 с.
4. Вернадский В. И. Черты мировоззрения кн. С. Н. Трубецкого: Речь, произнес. в студент. о-ве памяти кн. С.Н. Трубецкого 16 марта 1908 г. // Рус. мысль. 1908. № 4. С. 76—82.
5. Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гёте как натуралисте // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 242—289.
6. Вернадский В. И. Кант и естествознание // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 190—214.
7. Вернадский В. И. Памяти М. В. Ломоносова // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России М.: Наука, 1988. С. 55—58.
8. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. М.: Наука, 1980. С. 228—246.
9. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 32—76.
10. В. И. Вернадский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. 872 с.

11. Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. / Сост. Г. П. Аксенов; М.: Современник, 1993. 688 с.

12. *Гирусов Э. В.* Принцип автотрофности человечества и космическая экология // Русский космизм и ноосфера. Ч. 1. М.: Гособразование СССР, Ин-т философии АН СССР, 1989. С. 73—76.

13. *Гирусов Э. В.* «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М.: Издательский Дом «Ноосфера», 2003. С. 46—51.

14. *Гумилевский Л. И.* Вернадский. 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 1988. 255 с.

15. *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.

16. *Казначеев В. П., Трофимов А. В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.

17. *Козиков И. А.* Философские воззрения В. И. Вернадского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 78 с.

18. *Лукьянов А. В.* Вернадский и Фихте. Мотивы научного исследования // Учение В. И. Вернадского о ноосфере и глобальные проблемы современности. М.: МФТИ, 1988. Ч. 1. С. 171—173.

19. *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М.: Наука, 1982. 488 с.

20. *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский и религия Ч. 1. XIX век. На пути к неконфессиональной религиозности. М.: Знание, 1991. Сер. «Культура и религия». № 12. 64 с.

21. *Янин А. Л.* Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 489—502.